

ЧЕЛОВЕК ВО ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПО М. ФУКО

Центр гуманитарного образования Национальной Академии наук Украины

Статья посвящена вопросам взаимодействия власти и индивида в работах французского философа Мишеля Фуко. В статье рассматривается эволюция его взглядов, дается анализ понятий «власть-знание» и «власть-слово».

Введение

Мишель Фуко, выдающийся французский философ, историк, теоретик науки и культуры, широко известен не только в Европе, но и во всём мире как один из оригинальных мыслителей послевоенной Европы, творчество которого во многом определяло интеллектуальную атмосферу последних десятилетий прошлого века и ассоциировалось со структуриализмом, постструктуриализмом, постмодернизмом. Ещё во время обучения в школе в конце 40-х гг. XX ст. Фуко вместе с другими учениками посещал госпиталь св. Анны, где слушал лекции выдающихся психоаналитиков, что впоследствии оказало значительное влияние на деятельность и формирование философских взглядов учёного. Неслучайно Фуко получил в Сорбонне степень лиценциата по философии и такую же степень по психологии в Парижском институте психологии, а впоследствии открыл первую во Франции кафедру по психоанализу. Однако, несмотря на широкий научный интерес, особое место в творчестве философа занимает проблема власти. Разработка этой темы Мишелем Фуко во многом способствовала становлению так называемой «постмодернистской модели» власти с её обращённостью к языку и символам как элементам властных отношений, которые встречаются везде: в личных и семейных отношениях, в отношениях между людьми, складывающихся на работе, во время учёбы, при посещении больницы или пребывании в тюрьме, в общем везде. Иначе говоря, речь идёт о коммуникации в том поле взаимоотношений, которое принято называть культурой.

Анализ исследований и публикаций

Анализ власти и властных отношений за пределами собственно политической системы общества, осуществлённый М. Фуко, безусловно, можно считать «поворотом» в современной философии. Делая акцент на универсальности власти как социального отношения, философ показывает диалектику господства и подчинения, феномен властности в коммуникации в тех сферах общественного бытия, где прямо власть не присутствует, хотя и здесь характер общения между людьми задаёт напряжённость именно властного порядка. Среди фундаментальных работ, анализирующих творчество М. Фуко, следует прежде всего назвать исследования Дидье Эрибона и Жюль Делёза [1]. Не чужды данной проблематике и отечественные учёные [2]. Несомненно устойчивый интерес к работам М. Фуко вызван, на наш взгляд, тем, что интерпретация его идей имеет ту особенность, что не «окончивает» разработку проблематики, а напротив – открывает всё новые тенденции в понимании феномена власти и властных отношений.

Постановка задачи

Предметом исследования является человек в системе общественных отношений, связанных с феноменом власти. Анализ темы в контексте творчества М. Фуко позволит, по мнению автора, очертить тот круг проблемных ситуаций, связанных с пониманием человека в системе властных отношений, который благодаря исследованиям французского философа можно считать на сегодня «классическим», то есть актуальным для современного человека. Свою задачу автор видит в том, чтобы аргументировано и максимально полно представить аналитику властных отношений по М. Фуко, вне чего невозможна современная концептуализация философии власти, как и философской антропологии.

Основная часть

Отношения власти и знания, социального и научного, человека как принципа во властных отношениях становятся центральной темой исследовательской деятельности М. Фуко в поздний период его творчества. Именно эти проблемы, приводит к выводу философ, определяют всю совокупность специфических возможностей культуры в каждый конкретный исторический период. Используя генеалогию, Фуко трансформирует ницшеанскую категорию «воля к власти» в категорию «власть-знание». Затем мыслитель ставит перед собой задачу разработать новую дисциплину – генеалогию власти, под которой подразумевает не просто элементарное переименование «археологии знания», а выход за её границы. Дело в том, что поиск оснований знания внутри него самого явно недостаточен, так как знание в каждую конкретную историческую эпоху устанавливается посредством определённой «социальной механики».

Социально-психологическое восприятие мира «новых средних слоёв» на рубеже 60-70-х гг. XX ст. запомнилось современникам той эпохи как взрыв, заставивший их переоценить многие привычные представления. М. Фуко, пытаясь понять эту «механику», двигался от теоретико-познавательной и историко-научной проблематики в сторону анализа социально-политических условий знания. Для того, чтобы осуществить намеченный переход, философу понадобилось актуализировать вопрос об ответственности человека перед миром и обществом, а также найти и продемонстрировать имеющиеся «очаги власти» везде – в семье, в больнице, в тюрьме.

Стоит отметить, что Фуко отрицает возможность существования исключительно негативной или чисто репрессивной власти. Сами механизмы власти всегда позитивны и продуктивны. Знание же не может быть безотносительным и нейтральным: знание – это и зло, и сила, оно насыщено переживаниями, страстями, инстинктами. Власть и знание неразде-

лимы, власть порождает знание, а знание есть власть. Именно эти различные исторические типы взаимоотношений власти и знания и рассматривает Фуко. Не будет ошибкой предположить, что философ шёл к проблемам генеалогии власти через знакомую многим мыслителям проблему языка. На рубеже XX-XXI вв. французская философия в целом свидетельствовала, что вопрос о смещении «власти слова» с социальной властью требует не столь переосмысления проблемы, сколь детализации в её видении. В этом контексте Фуко, анализируя данный вопрос, рассматривает язык как орудие, объект и результат механизмов власти.

Оригинальность же метода Фуко заключается, прежде всего, в том, что, рассматривая те или иные идеи, он ищет не только их конкретные основания, но и их общую исторически преходящую основу. Последняя, прежде всего, связана с трансформацией власти в истории, которую, в частности, мыслитель рассматривает сквозь призму «права на жизнь и смерть». Именно это право, как показывает Фуко, длительный исторический период было одной из характерных привилегий суверенной власти. Становление этой привилегии иметь власть над жизнью и смертью подданных происходило, по его мнению, ещё «... из прежней *patria potestas*, дававшей отцу римской семьи право «распоряжаться» жизнью своих детей как жизнью рабов...» [3, с. 238]. И хотя в современном мире это «право суверена» уже не есть «абсолютным» и «безусловным», оно, тем не менее, как замечает Фуко, может осуществляться в случаях угрозы его существованию. Речь в этом случае идёт о праве «на ответное действие», на то, чтобы «заставить умереть» или «сохранить жизнь». «Ему угрожают внешние враги, которые хотят его свергнуть или оспорить его права? – пишет Фуко. – Тогда он может на законном основании вести войну и требовать от своих подданных участвовать в защите государства...» [там же]. Однако такого рода «юридическую форму» французский философ относит «... к тому историческому типу общества, в котором власть осуществлялась преимущественно в качестве инстанции взимания, механизма отнимания, права присвоения части богатств и навязанного подданным вымогательства произведённых продуктов, благ, услуг, труда и крови. Власть здесь была, в первую очередь, правом захвата – над вещами, временем, телами и, в конечном счёте, – над жизнью» [3, с. 239]. С тех пор механизм власти претерпел глубокую трансформацию. Так, наряду с «взиманием» (столь красочно описанным философом), исторически новая власть приобрела функции «побуждения, усиления, контроля, надзора, умножения и организации сил, которые власть себе подчиняет» [3, с. 240]. Тем не менее, есть основание говорить и о прогрессе в развитии феномена власти, так как последняя всё больше осознаётся предназначенной «скорее для того, чтобы силы производить, заставлять их расти и их упорядочивать, нежели для того, чтобы ставить им заслон, заставлять их покориться или их разрушать» [там же].

Таким образом, согласно исследованиям М. Фуко, «социальное тело» обладает ныне скорее пра-

вом «обеспечивать свою жизнь, поддерживать и приумножать её» [там же]. Негатив же бытия этих новых властных форм заключается не в декларациях, а в существующих практиках реализации власти. Об этом Фуко пишет следующее: «Никогда, однако, войны не были столь кровавыми, как теперь, начиная с XIX века, и никогда прежде, при прочих равных условиях, правящие режимы не производили такие массовые бойни по отношению к своим собственным народам» [3, с. 240]. Действительно, исторический контекст изменился, но если раньше войны велись «во имя суверена», нуждающегося в защите, то в современную эпоху войны ведутся «во имя всех». «Целые народы стравливают друг с другом, – пишет М. Фуко, – чтобы они друг друга убивали во имя необходимости жить. Бойни стали жизненно необходимыми. Именно в качестве управляющих жизнью и выживанием, телами и родом, стольким режимам удалось развязать столько войн, заставляя убивать столько людей» [3, с. 240-241]. Недавние события в Югославии, на Ближнем Востоке и в др. регионах мира только подтверждают истинность выводов Фуко.

В этом историческом контексте общественных трансформаций философ рассматривает и собственно социокультурный механизм осуществления власти, связанный с языковым дискурсом. Сразу отметим, что М. Фуко понимает язык не в общепринятом лингвистическом смысле слова, а гораздо шире и сложнее. Язык для него – метафора для обозначения самой возможности соизмерения и взаимопреобразования разнородных продуктов человеческой духовной культуры, общего механизма духовного производства. Язык – это своего рода лаборатория ресурсов культуры. Таким образом, становится совершенно очевидным единство истории и языка в эволюционирующей многосоставной концепции Фуко. Язык для него – это ступень первоначального структурирования, из которого выходят и вступают в силу социально-культурные механизмы более высоких ступеней. «У меня сложилось впечатление, – пишет Фуко, – что в XIX и в начале XX века вопрос о политической власти ставился по сути дела на языке государства и его основных органов. Ведь, в конце-то концов, они сформировались именно в XIX веке. Тогда они были ещё чем-то новым, видимым, значимым, они довлели над личностями, и личности боролись против них. Но впоследствии, после двух великих экспериментов (опыта фашизма и опыта сталинизма) мы вдруг ощутили, что под государственными органами, на совершенно ином уровне и до некоторой степени от них независимо, существовала целая механика власти, осуществлявшаяся постоянно, непрерывно и насильственно; она позволяла сохранять прочность и жесткость социального тела, причем играла в этом деле не меньшую роль, чем основные государственные органы, вроде армии или правосудия. И это пробудило у меня интерес к изучению таких невидных сил власти, власти невидимой, то есть тех видов власти, которые связаны с институтами знания и здравоохранения» [4, с. 171].

М. Фуко неоднозначный и разноликий философ: создатель «археологии знания», автор «генеалогии

власти», «эстетик существования». Исследовательский переход от «археологии знания» к «генеалогии власти» стал определенным этапом развития философских взглядов Фуко за счёт учета дополнительной по отношению к языку «независимой переменной» – власти. Это потребовало от философа нового, независимого взгляда, тесно связанного с представлениями о категории субъекта. Вероятнее всего, несмотря на все «мутации» при воссоздании неделимой концептуальной позиции Фуко, целесообразно учитывать не только эволюционную, но и ретроспективную точку зрения. Многие исследователи охотно опираются на ряд текстов, вышедших в 1994 году, который включал в себя 360 статей и интервью Фуко. В них философ возвращается ко всему, что было им сделано, и, отвечая на одно-сторонние в большинстве своём толкования своих прежних работ или на вопросы интервьюеров касательно основных мотивов и этапов своей деятельности, даёт формулировки, ставшие окончательной версией его определений. Так, размышляя о видах политизации, философ говорит, что, по его мнению, «для интеллектуала занятие политикой было традиционно обусловлено двумя вещами, его положением интеллектуала в буржуазном обществе, в системе капиталистического производства, в идеологии, которую оно производит или навязывает ... и его собственным дискурсом в той степени, в какой он открывал определенную истину, находил политические отношения там, где их не замечали. Эти два вида политизации не были чужды друг другу, но они не обязательно совпадали. Существовал тип интеллектуала «проклятого» и тип интеллектуала «социалиста». Эти два вида участия в политике в отдельные периоды насильственной реакции со стороны власти без труда совмещались – например, после 1848 года, после Коммуны, после 1940 года, – потому что интеллектуалы оказывались отверженными, преследуемыми как раз в ту пору, когда «вещи» представляли во всей своей «истинности», в пору, когда нельзя было говорить, что король-то голый. И тогда интеллектуал говорил истину тем, кто её ещё не видел, и от имени тех, кто не мог её сказать, и отсюда вся его совесть и красноречие» [4, с. 67].

Размышляя над данными, выписанными интеллектуалами, сюжетами, касающимися положения человека в обществе в аспекте острейших проблем его бытия, Б.В. Марков отмечает, что именно с именем Фуко в «эпоху постмодерна» связывают критику гуманизма и лозунг о «смерти человека» [5]. Обычно полагают, что Фуко зачёркивает проект антропологии, ибо считает человека ансамблем структур, которые делают его возможным. Это похоже на определение человека как совокупности общественных отношений, выведенное Марксом. Точка зрения Фуко близка и к аристотелевскому определению человека как политического существа, при этом «политическое» раскрывается как система дисциплинарных пространств, которые определяют не только внешнее поведение, но и психические реакции. На самом деле взгляды Фуко и вопросы, на которые он искал ответы, вполне вписываются в антропологическое направление сов-

ременной философии. Так, Фуко говорил о недопустимости рассматривать общество как некую абстрактную сущность, существующую вне и помимо индивидов, ибо оно интегрировано в самые скрытые уголки их души и тела. Всё это позволяет утверждать, что провозглашенная М. Фуко «смерть человека» была ничем иным, как отрицанием гуманистической установки, основанной на вере в то, что человек способен ограничить власть разумностью или моральностью. Напротив, это власть делает человека таким, каким он ей нужен. Таким образом, политическая антропология М. Фуко, по мнению Б.В. Маркова, озабочена не конструкцией или легитимацией положительных демократических институтов, а установлением диагноза болезни общества. Чтобы исправить человека, необходимо вылечить общество. Отсюда Фуко определяет философа, как клинициста цивилизации.

Французский мыслитель исходил из установки, что порядок власти был и остается изначальным, и этим резко отличался от философов Просвещения, которые считали его продуктом конвенционального соглашения людей, изнуренных анархической борьбой всех против всех. Этот порядок Фуко понимает шире, чем власть в форме права или политики, и определяет его как условие возможности что-либо познавать, оценивать, говорить и чувствовать. Этот порядок проявляется в категориальных структурах философии, научных классификациях и даже в визуальных кодах искусства. Вместе с тем, Фуко дистанцируется от стремления открыть власть в её чистом виде или постичь её последние цели или причины. Сущность власти ускользает от всех и поэтому нельзя доверять даже собственным очевидным столкновениям с нею. Она в принципе не является чем-то, на что можно указать пальцем. Такая позиция оказывается неприятной во многих отношениях. Во-первых, она исключает возможность каких-либо путей или революций, в основе которых лежит представление о концентрации власти в руках узкого круга лиц, локализованной в определенных институтах и т.п. Во-вторых, она пессимистически настраивает относительно возможности как-то улучшить власть. Эти проблемы заставляют Фуко искать новую стратегию субъекта в его игре с неуловимой, анонимной и вместе с тем всепроникающей властью. Слишком наивно думать, что можно ухватить её сущность и таким образом исправить и легитимировать её эмпирические формы. Власть функционирует как совокупность микроскопических и анонимных структур, определяющих мысли и представления человека, интегрирующих его анархические спонтанные переживания и желания в коллективное тело государства. Отсюда особое внимание философ проявляет к теме «микрофизики власти», проявляющейся в следах и эффектах так называемых «дисциплинарных пространств» общества – в тюрьмах, больницах, школах и казармах.

В книге М. Фуко «Психиатрическая власть», где приведены тексты его лекций, находим чёткое разграничение и сравнение двух типов власти, которые выводит философ. Если власть-господство характеризуется тем, что стремится получить от индиви-

да нечто в виде налогов, податей, времени, затраченного на службу, то дисциплинарная власть «подразумевает процедуру непрерывного контроля <...>, вы видимы, вы в ситуации постоянного наблюдения» [6, с. 65]. Именно модель власти дисциплины, по мнению Фуко, характерна для современного общества.

Человека Фуко рассматривает и определяет не как субъекта (персону), а в буквальном значении этого слова как подлежащее (sub-jectum, sujet), т.е. как марионетку власти. Человек выступает «результатом угнетения», которое гораздо древнее, чем он сам. Душа человека задаёт экзистенцию, но она сама есть «сцена господства», где исполняется власть над телом. Душа – и инструмент политической анатомии, «темница тела». Образом надзирающей и наказывающей власти выступает, согласно исследованиям Фуко, Паноптикум И. Бенгама, идея которого уже давно воплощена в тюрьмах и больницах, школах и казармах, в монастырях и университетах. Задача этих дисциплинарных пространств состоит в том, чтобы путём точечных чувствительных воздействий на тело добиться подчинения индивидуального тела коллективному, сделать душу индивида подобием общественной машины. Если у Т. Гоббса и других философов-просветителей власть выводится как результат общественного договора и добровольных ограничений, принимаемых с целью самосохранения, то у М. Фуко порядок сам формирует своих субъектов. Все это, по мнению Б.В. Маркова [см.: 5], переворачивает известную нам традиционную политическую антропологию, и с этим трудно не согласиться.

Интересна в отношении оценки теории М. Фуко и позиция В.С. Шмакова. Он считает, что Фуко «ставил целью исследование конфигурации знания и власти, и утверждал, что эти понятия связаны между собой, а их конфигурация оказывает всё большее и большее влияние на состояние и развитие индустриального общества, охватывая все стороны повседневной жизни» [7]. По мнению исследователя, Фуко делал акцент на том, что «формой основной характеристики современного капитализма является не эксплуатация, не отчуждение, не физическое подавление, не непоследовательность, не дисфункциональное поведение...», а «новая модель социального контроля, который внедряется в практику в разных социальных областях. Этот контроль осуществляется рядом структур, чьим агентом является каждый человек и в то же время никто» [7]. Шмаков отмечает, что в своих исторических исследованиях Фуко строит методологические основания для того, что он назвал «дисциплинарным институтом» (тюрьма, школа, армия, больница и пр.). В подобных заведениях как раз и отрабатывается «дис-

циплинарная технология» власти.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что довольно часто в исследованиях жизни и научной деятельности Мишеля Фуко можно встретить мысль о том, что философ, проводя критическую аналитику власти, выступал антигуманистом. На наш взгляд, М. Фуко не отрицает гуманизм как таковой, как принцип социального бытия; он анализирует исторические формы «гуманизма», интерпретирует существующие гуманистические концепции с позиций историзма и, безусловно, в этом контексте вполне имеет право на критическую оценку, неприятие утвердившихся начал общественных институтов власти, притесняющих в разных формах человека.

М. Фуко видел основную угрозу обществу и человечеству в реализации властью её дисциплинарных функций, в подавлении (даже порабощении) человека. Власть-господство более лояльна к индивиду, но и она не является, по мнению философа, панацеей, избавляющей человека от проблемных ситуаций в системе властных отношений. Таким образом, можно утверждать, что учение Мишеля Фуко о метафизике власти в силу своей актуальности справедливо занимает особое место в современной критической антропологии. Изменения, характеризующие развитие современного человечества, особенно в аспекте трансформации власти и властных отношений, невозможно понять вне концепции развития гуманитарных наук, разработанной французским философом.

Список литературы

1. Делёз Ж. Фуко / Жиль Делёз; Пер. с фр. Семиной под ред. И.П. Ильина. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998. – 325 с.; Эрибон Д. Мишель Фуко / Дидье Эрибон; пер. с фр. Е.Э. Бабаевой; науч. ред. и предисл. С.Л. Фокина. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 378 [6] с.
2. Пролеев С.В. Метафизика власти: Монография. – К.: Наукова думка, 2005. – 324 с.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Пер. с франц. С.Ч. Офертаса; под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
5. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб.: Издательство «Лань», 1997 // <http://www.anthropology.ru/ru/texts/markov/fantr.html>
6. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А.В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
7. Шмаков В.С. М. Фуко: история – знание/власть http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/1_98/19_CHM_AK.htm

О.Б. Федоровская

ЛЮДИНА У ВЛАДНИХ ВІДНОСИНАХ ЗА М. ФУКО

Стаття присвячена питанням взаємодії влади та індивіда у роботах французького філософа Мішеля Фуко. У статті розглядається еволюція його поглядів, наводиться аналіз понять «влада-знання» та «влада-слово».

O. Fedorovska

MAN IN POWER RELATIONS BY M. FOUCAULT

The article is devoted the questions of co-operation of power and individual in works of francuzkogo philosopher Mishelya Foucault. The evolution of his looks is examined in the article, the analysis of concepts «power-knowledge» and «power-word» is given.

